

A romantic movie poster featuring a young man and woman in a close embrace. The woman has long, wavy red hair and is wearing a strapless, shimmering blue dress. The man has long, wavy brown hair and is wearing a dark, ornate jacket with gold embroidery. They are looking at each other with intense, loving gazes. The background is a dark, fantastical landscape with glowing blue and purple lights, suggesting a magical or otherworldly setting. The title 'Пламя в холодных руках' is written in a stylized, cursive font across the middle of the image.

*Пламя в холодных
руках*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ksseaal

Пламя в холодных руках

«Автор»

2026

ksseaal

Пламя в холодных руках / ksseaal — «Автор», 2026

Блум думала, что ненависть к Валтору — это навсегда. Он разрушал её мир, использовал её близких, пытался отнять Драконье Пламя. Но когда над Магиксом нависает древняя Пустота, пожирающая магию, спасти всех могут только два пламени: её — и его. Их связывает заклятие. Если один умрёт, другой тоже. Теперь они вынуждены идти одной дорогой, делить опасности, тайны и ночи у костра. И чем ближе Блум узнаёт своего врага, тем труднее понять, где заканчивается ненависть и начинается нечто, что жжёт сильнее любого огня.

© ksseaal, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

ksseaal

Пламя в холодных руках

Глава 1

Предупреждение: AU, Блум совершеннолетняя.

Омега

Омега не была тюрьмой в привычном смысле. У тюрем есть стены, решётки, коридоры — что-то, что можно узнать, запомнить, привыкнуть. Омега была наказанием, вырезанным прямо в коре мёртвой планеты: ледяные тоннели, прорубленные в вечной мерзлоте, воздух, от которого ныли зубы, и тишина, такая плотная, что казалось — она давит на барабанные перепонки.

Блум не могла уснуть уже четвёртую ночь.

Она лежала в своей комнате в Алфее, смотрела в потолок и слушала, как Флора дышит через стену — ровно, спокойно, как дышат люди, у которых нет причин просыпаться в холодном поту. Блум завидовала ей. За последние месяцы она научилась засыпать только тогда, когда в голове становилось слишком пусто для мыслей, и просыпаться с ощущением, что где-то в мире всё ещё открыта дверь, которую она забыла закрыть.

Дверь звали Валтор.

Его не убили. Совет Магикса постановил, что казнь — слишком мягкое наказание для того, кто сжёг половину Обелиска и едва не переписал историю всех трёх измерений. Его отправили в Омегу — планету-морг, где держат тех, кого нельзя уничтожить, но и нельзя оставить среди живых. Блум голосовала за это решение. Она даже написала речь, которую произнесла перед Советом, и речь была хорошая: ровная, твёрдая, без единого лишнего слова. Все ей аплодировали.

А потом она вернулась домой и поняла, что не может спать.

Это было глупо. Это было неправильно. Это было настолько не в её характере, что Стелла однажды пошутила: «Ты тоскуешь по нему, что ли?» — и Блум так резко встала из-за стола, что свалила стул.

Тоска — это не то слово. Тоска — это по чему-то хорошему. По Скаю. По детству. По тем временам, когда злодеи были злодеями, а не... чем-то, что оставляет после себя пепел и слишком много вопросов.

Валтор был врагом. Врагов ненавидят чисто. А его она ненавидела грязно — с оговорками, с недосказанностью, с воспоминанием о том, как он смотрел на неё в самый последний момент, когда всё рушилось, и в его глазах не было ни торжества, ни злобы. Только усталость. И что-то ещё, чему она не хотела давать имя.

Поэтому она сказала Фарагонде, что хочет его увидеть. Просто убедиться. Просто закрыть дверь.

Фарагонда посмотрела на неё так долго, что Блум пришлось отвести взгляд.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Только будь осторожна.

— С ним?

— С собой.

В Омегу её доставили на транспортном корабле Совета. Пилот всю дорогу молчал, и Блум была ему за это благодарна. За окнами проплывали обломки астероидов, похожие на кости, и в какой-то момент она поняла, что уже час сидит, прижав ладонь к груди, туда, где под кожей тлело Драконье Пламя.

Пламя вело себя странно. Оно не дрожало, не рвалось наружу — оно притихло, как зверь, который прислушивается.

Комендантом Омеги был коренастый тролль с глазами цвета мокрого камня. Он долго изучал её пропуск, потом поднял на неё взгляд.

— Драконье Пламя, — сказал он без вопроса. — Мы слышали о тебе.

— Хочу его увидеть.

— Все хотят его увидеть. Это запрещено.

— У меня разрешение Совета.

— У всех разрешение Совета. — Тролль поставил печать и пододвинул ей маску для дыхания. — Блок Семь. Нижний уровень. Не подходите к барьеру ближе, чем на три шага, не отвечайте на вопросы о своей магии и не позволяйте ему говорить с вами дольше пяти минут.

— Почему пять?

— Потому что на шестой он обычно уже знает, что вам нужно, — сказал тролль. — А это, как правило, то, чего вы сами о себе не знали.

Блум надела маску и шагнула в тоннель.

Лёд здесь был не как лёд на Земле. Он не блестел и не таял от дыхания — он был матовый, серо-синий, как кожа мертвеца, и в нём отражались её шаги, искажённые, длинные. Каждый звук возвращался эхом с задержкой, будто шёл сквозь воду. Воздух пах железом и камнем. Через десять минут у Блум занемели пальцы даже в перчатках.

Блок Семь был последним. За тяжёлой дверью открылся круглый зал, и в центре его, за барьером из дрожащего синего огня, сидел он.

Валтор.

Он был в кандалах. Не в тех театральных цепях, которыми его украшали на официальных портретах в учебниках истории, а в настоящих — широких металлических обручах на запястьях и лодыжках, которые гасили магию так, что даже кожа вокруг них потемнела. Он был бледнее, чем она помнила, скулы заострились, волосы отросли и падали на глаза. Он сидел на каменной плите, привалившись спиной к стене, и, когда дверь закрылась, поднял голову.

Улыбка появилась медленно. Как будто он не был уверен, что стоит тратить на это силы.

— Какая честь, — сказал он.

Голос был хриплый — видимо, он давно ни с кем не говорил. Блум сделала три шага и остановилась, как велел тролль.

— Я пришла убедиться, что ты никогда не выйдешь.

— Я и не собирался. — Он вытянул ноги и склонил голову набок. — А ты, значит, прилетела через половину галактики, чтобы это проверить. Лично.

— Я прилетела, потому что хочу видеть.

— Хочешь видеть. — Он произнёс это так, будто пробовал слова на вкус. — Знаешь, за семь месяцев ко мне приходили следователи, жрецы, двое историков и один очень настойчивый поэт. Ни один из них не сказал «хочу видеть». Все говорили «хочу понять». Ты первая, кто честен.

Блум стиснула зубы.

— Ты сидишь здесь за то, что делал, и будешь сидеть, пока я жива. Это всё, что мне нужно знать.

— А зачем тебе вообще нужно что-то знать? — Он подался вперёд, и синий огонь барьера лизнул его плечо. — Ты победила. Магикс цел. Ты — героиня. Так почему ты не спишь?

Она вздрогнула.

Он заметил. Конечно, он заметил. Он заметил всё.

— Ненависть тебе идёт, — продолжил он мягко. — Она делает твоё пламя ярче. Я чувствую его даже через барьер. Оно у тебя беспокойное. Как и ты.

— Не смей говорить о моём пламени.

— Я говорю о том, что вижу. — Он откинулся обратно. — Что ж. Смотри. Я никуда не денусь.

И тогда пол вздрогнул.

Сначала Блум решила, что это толчок от сейсмической активности планеты — Омега была мёртвой, но не стабильной. Потом по стене за спиной Валтора побежала трещина, и оттуда вырвалось нечто.

Это не было тенью. Тени отбрасывают предметы. Это было отсутствие — дыра в реальности, чёрная настолько, что глаз отказывался её фиксировать, край мира, вывернутый наизнанку. Оно росло, ползло по стенам, и там, где проходило, лёд не таял и не трескался — он просто переставал существовать.

Валтор вскочил. Кандалы лязгнули.

— Не двигайся, — бросил он неожиданно резким тоном. — Оно чувствует магию.

— Отойди от стены!

— Оно уже не за мной. — Его глаза расширились. — Оно за тобой.

Блум обернулась. Тьма скользнула к ней по потолку, обтекла её силуэт и коснулась барьера. Синий огонь вспыхнул — ярко, до белого, — и в тот же миг Блум почувствовала, как что-то рвётся у неё в груди.

Не боль. Хуже. Как будто из неё вытянули жилу.

Она закричала и упала на колени. Драконье Пламя вспыхнуло само, без её воли, и из его огня вырвалась цепь — тонкая, раскалённая, живая. Она перелетела через барьер, обвила запястье Валтора, стянула его, и оба они — она и он — услышали один и тот же щелчок, будто закрылся замок.

Цепь погасла. На коже Блум остался тонкий шрам — линия от кисти к локтю, чуть светящаяся.

Она попыталась подняться. Её тут же пронзило такой болью, что дыхание перехватило, и она снова осела на лёд.

Валтор дёрнул рукой. Его отбросило назад, к стене, и он приложился затылком о камень так, что на мгновение прикрыл глаза.

— Что ты сделала? — процедил он сквозь зубы.

— Ничего! Я ничего не делала!

— Кровная цепь, — сказал он. — Древняя. Похоже, наша встреча нравилась не только тебе.

Тьма между тем втянулась обратно в трещину и исчезла, оставив после себя запах гари и ощущение чужих пальцев, которыми провели по внутренней стороне черепа.

Блум поползла к двери. Каждый метр давался как подъём в гору. На третьем шаге боль стала невыносимой, и она застыла, тяжело дыша.

Валтор за её спиной рассмеялся — сухо, без веселья.

— Стоит ли объяснять, что произошло? — спросил он. — Или ты сама догадаешься?

— Заткнись.

— Цепь связала нас. Одно пламя, два носителя. Пока она на нас, мы не можем умереть друг без друга. — Пауза. — И не можем разойтись дальше определённого расстояния. Судя по тому, как ты дышишь, — метров двадцать. Может, тридцать.

— Ты врёшь.

— Если бы. — Он снова дёрнул рукой, и Блум изогнулась от боли. — Видишь? Симметрично.

Она закусила губу до крови.

— Есть способ снять?

— Есть.

— Какой?

— Не сейчас.

— Я спрашиваю — какой?

— Я скажу, когда перестану считать это выгодным для себя, — ответил он спокойно. — А пока предлагаю сделку. Ты выпускаешь меня отсюда. Мы находим способ. Потом каждый идёт своей дорогой.

— Я лучше сгорю.

— Возможно, — согласился он. — Но не сегодня. Потому что если ты сгоришь — я тоже сгорю, а я, представь, ещё не готов.

Блум закрыла глаза и прижалась лбом к холодной двери. За ней, в коридоре, уже слышались шаги и крики — тролль бежал к ним, — но она знала: что бы ни открыли сейчас, обратно уже не закроется.

Дверь распахнулась. Комендант посмотрел на барьер, на цепь, на её лицо, а потом на Валтора, который снова улыбался — вежливо и совершенно не по-человечески.

— Кажется, — сказал он, — у нас обоих гости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.